

зйств в упомянутых работах также подаётся в основном с положительной стороны, Трудности если и показаны, то только для того, чтобы подчеркнуть величие коллективного движения. Глубокого осмысления негативных сторон коллективного хозяйствования в этих трудах нет. Почти во всех исследованиях звучат обвинения в адрес Д.Ф. Прищепова и «прищеповщины». Делается это, однако, априори, без подробного анализа взглядов тех, кого подвергают критике. Вместо этого заявляется, что Прищепов и его сторонники активно отстаивали капиталистические формы землепользования (хутора и отруба). Тот факт, что существовавший в то время Земельный кодекс разрешал крестьянам выбирать форму землепользования, замалчивается. Не анализируется экономическая эффективность хуторов и отрубов, но утверждается, что они были невыгодны крестьянству. Между тем в условиях свободы выбора форм ведения хозяйства трудно себе представить, чтобы крестьянин выбирал заведомо убыточный способ организации производства. Называя конкретные цифры роста хуторских и отрубных хозяйств, историки, в отмеченных работах, причину тому видят в одном – в насильственном насаждении этих форм Д.Ф. Прищеповым и его последователями.

В некоторых работах этого периода авторы вплотную подошли к новым выводам, но не сформулировали их. Однако уже в 1970-х годах ряд исследователей считали, что свободный выбор форм землепользования, способствовал восстановлению разорённой войной деревни. Отдельные учёные предпринимали попытки донести до читателей противоположное официальной пропаганде мнение. В противовес господствовавшей точке зрения на аграрную политику 1920-х годов путём подбора определённого материала, нестандартных замечаний они пытались выразить собственную позицию в оценке экономической политики на селе [7]. Здесь и критическое отношение к колхозам как единственной форме хозяйствования в деревне, и неординарное понимание психологии крестьянина. Безусловно, авторы не могли открыто высказать противоположную официальной идеологии точку зрения. Однако, они сделали многое, чтобы вдумчивый читатель сам смог подойти к таким выводам.

Заключение. Таким образом, историография аграрной политики 1920-х годов характеризуется наличием большого круга первоисточников, использованных авторами. Однако, практически все работы белорусских советских историков были созданы в условиях жёсткого идеологического диктата коммунистической партии. Поэтому все они сводились, в конечном счёте, к одному итогу – аграрная политика, проводившаяся коммунистической партией и государством в 1920-х годах, была единственно возможным и верным вариантом развития сельскохозяйственного производства. Отдельные критические замечания, которые допускали авторы, не влияли на общий контекст работ. Лишь в 1920-х годах можно говорить о некотором плюрализме мнений по вопросам аграрной политики в белорусской историографии.

Список литературы

1. Славинский, А. Состояние народных хозяйств в Белоруссии / А. Славинский // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 12.
2. Скандраков, С. Основные меры к подъёму сельского хозяйства Белоруссии / С. Скандраков // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 2.
3. Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР. – Минск, 1949; История БССР. – Минск, 1953.
4. Милованов, В.А. Динамика колхозного движения в Белоруссии в восстановительный период (1921–1925 гг.) / В. А. Милованов // Из истории социалистического строительства Советской Белоруссии: сб. статей. – Минск, 1959. – С. 28–55.
5. Победа колхозного строя в Белорусской ССР / М. П. Костюк, В. А. Полуян, А. Н. Сорокин и др. – Минск, 1981.
6. Власенко, Н.В. Борьба Компартии Белоруссии за построение экономического фундамента социализма. 1926–1932 гг. – Минск, 1970.
7. Михнюк, В.Н. Крестьянство Белоруссии на пути к социализму. Исторический очерк / В. Н. Михнюк. – Минск, 1979.

ТРУДОУСТРОЙСТВО ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ВОИНОВ ТРЕТЬЕЙ ОЧЕРЕДИ В ВИТЕБСКОЙ, МИНСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТЯХ, ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ БССР (1946–1948)

*А.В. Пауцто
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Актуальность данной статьи состоит в том, что изучение вопроса о процессе подбора и расстановки кадров из числа демобилизованных воинов из рядов Красной Армии в демобилизацию третьей очереди в период 1946–1948 гг. открывает перед исследователями новые возможности увидеть отношение государственных структур к защитникам Родины на основе малоизученных документов. Данное исследование можно применять для патриотического воспитания молодежи и идеологической работе.

Цель статьи – раскрыть деятельность партийных и государственных структур по адаптации демобилизованных воинов третьей очереди к мирному труду и закрепление их в народно-хозяйственный комплекс республики.

Материал и методы. В работе использованы материалы государственных архивов, статистических и научных сборников. Методы – принцип историзма, объективности, социальности.

Результаты и их обсуждение. 20 марта 1946 года руководство страны приняло решение провести демобилизацию третьей очереди, которая завершилась в 1948 году [1, с. 29]. В Витебскую область из рядов Красной Армии прибыло 3341 человек, из них 504 члена ВКП(б) и 104 кандидата. В сельское хозяйство было трудоустроено 18323 человека, в промышленность – 818, на партийно-советскую работу – 529, 113 демобилизованных были использованы агитаторами в колхозах, предприятиях и учреждениях, 171 человек остались не трудоустроенным, потому что продолжали пользоваться отпусками. Коммунисты из числа демобилизованных были взяты на партийный учет [2, л. 54-56].

Значительная часть демобилизованных этого периода была вовлечена в производственную и общественную жизнь, показывала образцы самоотверженного труда по восстановлению хозяйства. Многие из демобилизованных третьей очереди руководили колхозами, были выдвинуты на руководящую партийную и советскую работу. Например, председателями колхозов стали 108 человек, бригадирами – 211. На руководящую партийную работу были отправлены 49 человек, на комсомольскую – 42, хозяйственную 278 человек [2, л. 56].

В 1947 году были проведены 15-дневные курсы председателей колхозов, с охватом 42 человек, 15-дневные курсы бригадиров колхоза, 10-дневные курсы старших конюхов и зав. МТФ, 15-дневные курсы звеньевых и кладовщиков [3, л. 129].

В Минскую область демобилизованных третьей очереди рядового и сержантского состава прибыло 3550 человек, из них 20 женщин. Из прибывших 3550 человек большинство ушло работать в сельское хозяйство. Так, в Слонимском районе из прибывших 244 демобилизованных 187 ушло в сельское хозяйство, остальные получили работу на предприятиях и учреждениях. В Барановичи прибыло 270 демобилизованных, из них 175 получило работу, а остальные остались в отпусках и искали работу [4, л. 251].

Демобилизованные активно включались в общественно-политическую деятельность. В Барановичах и районах области проводились собрания с участием демобилизованных воинов. Для них читались лекции и доклады, проводились беседы. В Барановичах было проведено 28 докладов, из них «О международном положении» - 15, «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.» - 9, «Забота партии и правительства о демобилизованных Красной Армии» - 4 [4, л. 251].

В Ивенецком районе проведено 200 бесед и докладов среди демобилизованных воинов на темы «О пятилетнем плане», «О роли демобилизованных в восстановлении разрушенного хозяйства». В Столбцовском районе собрания были проведены в районном центре и во всех сельсоветах с вопросами «Пятилетний план и задачи демобилизованных» [4, л. 252].

В Слонимском районе прочитано для демобилизованных 3 лекции «О пятилетнем плане» и 1 доклад «О задачах демобилизованных в деле восстановления хозяйства района». В Клецком районе было прочитано 8 докладов «О пятилетнем плане», «О международном положении», «О Парижской конференции». В сельсоветах было проведено 44 беседы [4, л. 252].

Многие демобилизованные активно включались в общественную жизнь и хорошо проявляли себя в служебной деятельности. Например, в Столбцовском районе демобилизованный Жук работал председателем Аталичского сельсовета и хорошо справлялся с работой. Демобилизованный Починевич оправдал себя на работе агента Уполминзага по Перетокскому сельсовету. До него сельский совет был на последнем месте по заготовкам, а с его приходом стал выполнять госпоставки. В Козловщинском районе демобилизованный Годко хорошо справлялся с обязанностями председателя Роготинского сельсовета [4, л. 252].

В Гродненской области из демобилизации третьей очереди вернулись 1384 человека, из которых 206 человек не были устроены на работу и пользовались отпусками. Всем прибывшим в Гродненскую область была оказана помощь в обеспечении их жилплощадью, в материально-бытовом и хозяйственном обустройстве [5, л. 7].

В западной области БССР были выявлены недостатки, и одним из крупнейших стало слабое выдвижение на руководящую работу лучших людей из местного населения. Также им недостаточно оказывалась повседневная помощь в практической работе, не велась систематическая работа по идейно-политическому воспитанию выдвинутых работников [6, л. 34-35].

Заклучение. И все же, подводя итоги проведенной работы во время демобилизации третьей очереди, следует сказать, что, невзирая на выявленные недостатки, государственными структурами была проделана значимая работа в трудоустройстве воинов Красной Армии, их адаптации и закреплении в народно-хозяйственный комплекс БССР.

Список литературы

1. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946-2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Эксперспектива, 2011. – С. 728.
2. Государственный архив Витебской Области. – Ф. 1-п. – Оп. 1. – Д. 470. – Л. 54.
3. ГАВО. – Ф. 1-п. – Оп. 2. – Д. 34, Л. 129.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4-п. – оп. 47. – Д. 72. – Л. 251.
5. Государственный архив общественных объединений Гродненской области. – Ф. 1. – оп. 1. – Д. 68. – Л. 7.
6. ГАВО. – Ф. 322. – Оп. 3. – Д. 64, Л. 34-35.

“ЧОРНЫ” ДОМ – ПОМНІК ДРАЎЛЯНАГА МАДЭРНУ Ў ВІЦЕБСКУ

*М.В. Півавар
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Па шэрагу прычын у нашай краіне захавалася не значная колькасць помнікаў гісторыі і культуры XIX стагоддзя. Асабліва мала помнікаў, якія належаць да стылю мадэрн. На працягу гісторыка-краязнаўчай практыкі, якая праводзіцца на 1-м курсе гістарычнага факультэта, былі выяўлены шэраг аб'ектаў, якія можна аднесці да помнікаў гісторыі і культуры, але яны не ўзяты пад ахову дзяржавай. Мэта артыкула, зрабіць апісанне так званага “чорнага” дома, ці дома Мініна, які на нашу думку з’яўляецца помнікам драўлянага мадэрну, з мэтай падрыхтоўкі дакументаў для перадачы іх ў Беларускаю рэспубліканскую навукова-метадычную раду па пытаннях гісторыка-культурнай спадчыны пры Міністэрстве культуры Рэспублікі Беларусь з мэтай надання яму статусу гісторыка-культурнай каштоўнасці.

Матэрыял і метады. Матэрыяламі даследавання сталі палывыя даследаванні ў час правядзення практыкі. Выкарыстоўваліся візуальны, апісальны метады, праца ў архіве, метады інтэрв’ю.

Вынікі і іх абмеркаванне. Архітэктурны стыль мадэрну атрымаў распаўсюджанне ў Еўропе ў 1890–1910-я гг., у межах мастацкага накірунку мадэрн. Архітэктурны мадэрн ўласціва адмова ад прамых ліній і вуглоў, выкарыстанне новых тэхналогій у будаўніцтве. Значная ўвага надавалася не толькі знешняму выгляд будынку, але і інтэр’еру. Усе канструкцыйныя элементы: лесвіцы, дзверы, слупы, балконы мастацкі апрацоўваліся. Агульнадаступнасць, таннасць, камфорт сталі асноўнымі прынцыпамі ўзвядзення будынкаў дзякуючы вынаходніцтвам навукі і тэхнікі. Найбольш выдатнымі помнікамі рускага мадэрну з’яўляюцца сядзібныя дамы Марзава (1893–1898), Рабушынскага (1903) у Маскве, друкарня “Утро России” на Страстным бульвары (1907), сядзібныя комплексы ў Талашкіна Смаленскай вобласці, Абрамцава ў Падмаскоўі.

У Беларусі найбольш яркімі помнікамі мураванай архітэктурны мадэрну з’яўляюцца сядзіба Гатоўскіх у в. Красны Бераг Жлобінскага раёну, будынак былога Віленскага камерцыйнага банка (1910) і Руска-Азіяцкага банка (1912) у Гомеле, дом доктара Тальгейма (1911) у Гродна, сядзібны дом у Крупках (пач. XX ст.) і іншыя. У Віцебску – будынак Сялянскага пазямельнага банка, будынак Земляробчага вучылішча ў Лужасна.

Значна меней у архітэктурны Беларусі прадстаўлены драўляныя будынкi. Элементы стылю мадэрн можна знайсці ў будынку Прачысценскай царквы (1912) у Шаркоўшчыне, Пакроўскай царквы ў в. Асінгародок (пач. XX ст.) Пастаўскага раёну. Найвыдатнейшым помнікам архітэктурны драўлянага мадэрну з’яўляецца сядзіба Прушынскіх у Лошыцы і будынак купчыхі Кацнэльсон у Бабруйску (1912) [1]. Пэўныя рысы мае сядзіба Бутоўт-Андрэйкавічаў “Багудзёнкі” у в. Поразава Гродзенскай вобласці, сядзіба Мяшчэрскіх у Клімавічах (1876) Магілёўскай вобласці, сядзіба ў в. Галавічполле (1935) Шчучынскага раёну. На жаль, страчана сядзіба Мілашэўскіх у Чарапоўшчыне Ушацкага раёна, якая згарэла некалькі гадоў таму.

У Віцебску захаваліся драўляны будынак, які можна аднесці да яркіх прыкладаў архітэктурны мадэрна. Гэта, так званы “чорны” дом, ці “дом Мініна”, які знаходзіцца на вуліцы 1-я Даватара.